

ЧАСТЬ 1

АЛЕКСЕЙ

1

Алексей не любил аэропорты и вот это предпосадочное время, когда не знаешь, куда себя деть, чем заняться. В аэропорту ты чувствуешь себя полностью зависимым. От работы персонала аэропорта, от надежности самолетов, от погоды, в конце концов. Здесь все равно, как в бане. Алексей усмехнулся своим мыслям. Когда он был последний раз в бане? То есть в настоящей, советской, той, которая осталась далеко-далеко, в его советском детстве. Да, сколько воды утекло, и вот он уже восемнадцать лет в Германии, немцем за это время не стал, но приспособиться сумел. Вот и в аэропорт приехал, как положено, за два часа. Немцы приучили его к пунктуальности? Да нет, он всегда был организованным, и это ему помогало в жизни. Есть люди очень талантливые, есть просто способные, а есть те, которые умеют организовать свою жизнь. Алексей скорее относился к последним. Он всегда и все умел четко рассчитывать, чувство времени жило у него внутри: он ни-

когда никуда не опаздывал, не обещал лишнего, чего не мог сделать, а это тоже чувство времени. Обещал только то, что может точно успеть.

Он немного ослабил галстук. В Германии, несмотря на конец сентября, было жарко, но он принял решение ехать в костюме. В Москве уже прохладно, дожди, так что пиджак кстати, да и все же едет на месяц, и он знал: сестра организовала культурную программу, в том числе посещение Большого театра. Он перекинул плащ с одной руки на другую. Да, надо было, конечно, убрать верхнюю одежду в чемодан, но все было упаковано настолько плотно, что плащ просто не поместился. Конечно, Зоя говорила, что им ничего не надо. Но не поедешь же с пустыми руками. Поэтому кроме купленных подарков он вез две палки сырокопченой колбасы, кофе, хороший шоколад, мясные консервы. При покупке продуктов он силился вспомнить, что так понравилось Зое, когда она была в гостях у него в Дуйсбурге пять лет назад. Намазывая бутерброд «Нутеллой», она все вспоминала своих внуков:

— Ты не представляешь себе, как эти засранцы любят сладкое. Я от плиты не отхожу: то пирог с вишней, то с курагой — а так бы намазала им хлеб этой пастой — и свободны.

— Зайка, обещай мне, когда я приеду к тебе в гости, ты мне будешь печь свои пироги круглые сутки.

— Господи, да ты только приезжай, все, что закажешь, буду делать.

И вот он наконец-то собрался, одиннадцать лет не был дома, что его ждет, как его встретит бывшая родина? А главное, как его Зайка, наверное, постарела. Он ужасно боялся увидеть сестру старой и немощной — она практически заменила ему мать, воспитала его и вела по жизни. Он уехал из родного дома, когда ему было 23 года, они живут врозь 36 лет, а все равно есть ощущение сильной взаимной связи. Вот так, вернуться на родину в 58 лет, просто в гости. Алексей вздохнул и опять подумал, на кой ляд сдалась ему эта поездка. Разговаривал бы, как и раньше, со своей Зайкой по телефону. Зачем он сейчас приедет? И главное, чем он им всем может помочь? Они слишком далеки от него, он не в состоянии решить их проблемы.

2

Аэропорт Дюссельдорфа – не самый плохой вариант, все компактно, не нужно бегать с этажа на этаж, очереди идут достаточно быстро, доброжелательный персонал, после ремонта появилось много магазинчиков. И главное, от его родного теперь города Дуйсбурга ехать всего полчаса. Частенько Алексею приходилось улетать из Франкфурта и возвращаться туда, вот уж невеселое путешествие. Алексей в принципе не любил никаких монстров, будь то аэропорты или даже города. Вот и для своего местожительства он выбрал Дуйсбург, хотя вполне мог жить в Дюссельдорфе. Компания, в которой он работал вот уже десять лет, находилась как раз между этими двумя городами, и дочери склоняли его к переезду. Но здесь он был непреклонен: хватит ему чужого языка и чужой культуры на работе. В родном теперь Дуйсбурге у него сейчас есть небольшой, но уютный дом с прекрасной солнечной террасой и даже маленьким клочком земли, где он ухажи-

вает за своим любимым олеандром. Это его личная территория, он не любит гостей, никого не приводит в дом, и это тоже не новообетенная привычка, просто он научился быть один, и ему вполне комфортно. Одинок иногда, да, но он научился быть и одиноким тоже.

Алексей еще раз прошелся по дьюти-фри. В здании аэропорта работали кондиционеры, и ему в костюме из тонкой шерсти было даже прохладно. Может быть, купить еще вина? И виски для Саши? Вроде сейчас в России это модно — пить виски. В Германии предпочитают пиво. Алексей вообще пил мало: возраст, проблемы с поджелудочной посадили его на определенную диету. Сначала он переживал — как же без пива, потом привык и даже был благодарен своей болезни: почти пропал живот, он значительно постройнел и объективно выглядел моложе своих лет. Нужно еще отдать должное генетике: несмотря на свои почти шестьдесят, Алексей был обладателем густых и жестких волос. Правда, с проседью, но сейчас и молодые рано седеют. Как каждому человеку, ему было небезразлично, как он выглядит, а переехав в Германию и, в общем, решив проблемы семьи, он начал думать о здоровье. Много гулял, по выходным катался на велосипеде, пять лет назад бросил курить. Вот и результат. Как говорится, на лице.

И все же нужно купить бутылку «Рислинга» и, может, «Айсвайна». Да, конечно, для его Зайки, она любит все сладкое. Ну и хороший коньяк для Саши. Уж коньяк-то все пьют. «Курвуазье»? Алексей покрутил в руках бутылку. Недешево. Но в конце концов, когда он еще поедет в следующий раз. А та ситуация, в которой сейчас оказался его племянник, и впрямь несладкая. Пить начинать не стоит, все равно не поможет, но пятьдесят граммов отличного коньяка не помешают.

Алексей сам не сознавался себе в том, что нервничает. Он всегда нервничал, когда ехал на свою бывшую родину. Не хотел туда. Даже не поехал на похороны мужа сестры. Хотя прекрасно знал, что та его ждет, что он для нее единственная надежда и опора. Конечно, сын Санька при ней, но Алексей тоже похоронил жену и знал, какая это страшная потеря. Остаешься один. И Алексею никто и никогда не смог заменить Нину. А ведь прошло уже почти 18 лет. Что же говорить о Зое? Алексей потерял жену, когда ему было сорок. Собственно, молодой еще мужчина, теперь, с высоты своего сегодняшнего возраста, он понимал — только жизнь начиналась. У многих так, во всяком случае. Но тогда ему казалось, что все закончилось. Он даже злился на Нину: как она могла оставить его? Как она не понимала, в какой

дикой ситуации он оказался, что ему делать, какой груз на него свалился!

Зоя осталась одна в шестьдесят четыре года. Трагедия. Она привыкла жить за спиной Василия. Всегда королева при своем верном рыцаре. Да. Настоящая трагедия. Но Алексей не приехал, не подержал. Почему? Все просто: испугался. И того, что увидит постаревшую Зою, и того, что придется решать какие-то вопросы. Он не хотел больше проблем, он много чего сделал в своей жизни. И он устал. И от ответственности, и, главное, от страха за своих близких. И он не мог больше переживать похороны. В его жизни их уже было достаточно. У Зои взрослый сын, его жена — есть кому позаботиться.

3

За эти 18 лет он приезжал на бывшую родину всего два раза. И оба по делу. Сначала нужно было уладить отношения с родственниками бывшего компаньона. Ничего из этого не вышло. Даже вспоминать не хочется ту безобразную поездку.

— С чего вы взяли, что вам что-то причитается? Да там не осталось ничего, вы все растратили.

— Позвольте, как мы могли все растратить, мы как раз начинали новую тему, и я знаю, сколько денег было на счете фирмы.

— Не было никаких денег. Точка. Вы все равно ничего не докажете.

Переговоры он вел с двоюродным братом бывшего компаньона, невесть откуда взявшимся, во всяком случае, Алексей, занимаясь их общим бизнесом, никогда о нем не слышал, а Андрей даже не упоминал такого имени. Но по документам — да, все сходилось, родственник, и бумаги у него были все в порядке, а у Алексея выходило, что доказательств никаких.

— Слышь, ты, жируешь в своей Германии, удалось свалить, и радуйся, нечего у людей последний кусок из горла вытаскивать.

Судя по дородной фигуре и золотому кольцу на мизинце, родственник тоже с голоду не пух. Алексей понял: спорить бесполезно, да и слаб он был еще после трагедии с Ниной, после переезда в Германию. Он тогда сам находился между небом и землей. Он не знал, зачем приехал, на что надеялся. Вернуться обратно он не мог, но уже очень хорошо понял, что за границей тоже никому не нужен: ни он, ни его семья. Забрать хотя бы то, что ему здесь причиталось, то, что было его. Деньги еще никому не навредили, они помогли бы ему встать на ноги быстрее. Уезжали впопыхах, в каком-то угаре, плохо соображая, просто бежали от того ужаса, который произошел. И вот собрался с силами, приехал, и что? — лучше бы не приезжал. Хотя в какой-то миг подумал: «Там, где я сейчас, у меня тоже ничего нет, но никто меня и не обманет. Вот так, по-хамски, наотмашь».

Эмиграция — это сложное состояние, не описать, не передать. И сам перед собой постоянно оправдываешься и кривишь душой в разговорах с другими.

— Да, живем! — это обязательно бодрым голосом. — Ни в чем не нуждаемся! Вот отдохнуть ездили в Турцию. А на выходные на автобусе в Амстердам. Да почти даром! Да!

Зачем он все это рассказывает? Главное, кому? Гоше Кравченко, который уже давно не в Турции, а на Лазурном Берегу отдыхает. Или поездка эта в Амстердам. Черт его дернул туда сунуться. Всю дорогу пришлось под зад толкать впереди себя древнюю бабульку. И чего той дома не сидится? Передвигается с трудом, почти ничего не слышит.

Это уже было во время его второй поездки, когда он пытался завязать новые связи. В голове все улеглось, систематизировалось, он пытался построить в Германии собственный бизнес, надоело быть на побегушках, это с его-то образованием, с его, по мнению других, хорошими мозгами. А почему не заняться поставками в Германию? Вроде возникла на горизонте тема с икрой. Он все разузнал про таможеню, про грузоперевозки, нужно было только найти надежных людей там, на бывшей родине. И опять мимо, и снова все не то. Осадок остался надолго. А тянуло-то туда постоянно.

4

До аэропорта ехал на такси, вот тоже черт знает что. Дочерей просить не захотел. Почему? Ведь нельзя сказать, что совсем они стали друг другу чужими людьми. Или возраст у Алексея подошел, все его раздражало. Или не мог он им простить Милу, то, что не поддержали его, не позволили отцу найти новое счастье. А ведь совсем уже было собрался.

Такси не стал вызывать по телефону; Алексей жил совсем рядом с «Плазой», а там такси стоят всегда. Погода прекрасная, это днем станет жарко, и он бы испекся в своем костюме, а ранним утром еще свежо, со стороны Рейна дует свежий ветерок, и даже не раздражает грохот трамвая, который через каждые десять минут проносится мимо отеля.

Таксист мгновенно выбежал из машины, увидев импозантного седоватого мужчину в темно-сером костюме, катящего чемодан на колесиках. Он тут же выхватил чемодан, аккуратно положил его в багажник, удивив Алексея легкостью движений, —

чемоданчик-то весил прилично, учитывая все банки и подарки. Алексей подал водителю и свой плащ и прошел к переднему сиденью такси.

— Zum Flughafen¹.

— Gut².

Сначала молчали, Алексей смотрел в окно, город стал уже практически родным. Очень зеленый, опять же, две реки — Рейн и Рур, а Алексей вырос на речке, ему без воды никак. И хоть и портовый город, но нет той суеты, что царит в Дюссельдорфе. И набережная красивее, и даже не спорьте!

— Так и у нас Рейн, и до Дюссельдорфа двадцать минут на трамвае. Зато нет этих толп туристов, все гораздо тише, спокойнее. Магазины все те же, а зелени сколько! Один Парк воспоминаний чего стоит.

Так Алексей останавливал знакомых, постоянно интересующихся, почему все же не Дюссельдорф. А сам он привык здесь. Слово «любил» — не подходило. Ему казалось, что он уже давно ничего и никого не любил. Просто ко всему привык. Разве что Зою. Вот ее любил, остро скучал, ждал телефонных разговоров, только и она раздражала. Вот ведь кошмар. Климаткс это, что ли. Он усмехнулся. Навер-

¹ В аэропорт.

² Хорошо.

ное, немного громче, чем нужно было. И сразу отреагировал таксист:

— Домой возвращаетесь, в командировке были?

Да, и никакие 18 лет не могли в нем скрыть советские корни. Вот ведь удивительное дело!

— Вроде того, — неопределенно произнес Алексей. Он сейчас ехал на родину и практически готов был зачеркнуть эти прожитые в Германии 18 лет.

— Откуда?

— Из Иркутска.

Боже, о чем он говорит, зачем, но почему-то эта фраза сама вырвалась, ему так захотелось, чтобы он действительно был из Иркутска. И все бы было хорошо. И чтобы была жива Нина, и чтобы ждала его сейчас в их небольшом и очень уютном домике на берегу Байкала, а в Германии он бы просто был в командировке. И вот как будто он возвращается домой. Комок подступил к горлу. Зачем это все? К чему он ввязался в этот никому не нужный разговор? Он и в обычной жизни последнее время неразговорчив, не хватало еще с таксистом тут в откровенные беседы вступать.

— А я из Алма-Аты. Не были?

— Нет.

— Поверите, каждую ночь снится. Каждую ночь...

— Давно здесь? — Алексей все-таки начал спрашивать.

— Восемь лет. В Дуйсбург переехал полгода назад, до этого в Берлине жил. Да, сложилось так.

Мужчина вел машину уверенно, следил за дорогой. Алексей очень не любил, когда водитель, разговаривая с пассажиром, все время на того оглядывается, ловит выражение лица. На дорогу нужно смотреть, эмоции сам додумывай. Этот парень совсем другой. Обстоятельный, хотя и заметно — за рулем уже давно.

— Все время за баранкой? — Ну какое ему, Алексею, дело, не хотел же разговаривать. Ан нет, русская речь, и уже оторваться невозможно...

— Так семью кормить нужно было.

— А по профессии кто?

— Военный я. Кадровый военный.

Алексей слегка повернул голову в сторону мужчины. На вид лет 45–48, значит, уехал, как и он, лет в сорок. И до сих пор за рулем. Странно, военный опять же. Эх, сколько перевидал за свою жизнь Алексей чужих переломанных судеб. Кому-то не повезло, кто-то не смог вписаться. Это те, кто не захотел меняться, учить немецкий язык, жить по другим правилам. Да-да, как это ни обидно звучит! Но все по русской поговорке: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят!» А многие полезли, и хамили местному населению, и раздражали тем, что не убирали за собой, что одевались

кое-как, не соблюдали тишину и порядок. Да мало ли! Немецкие граждане жили по-другому! Веками. А тут, понимаешь, понаехали... Жалко бывших соотечественников Алексею не было. Эмигрантский круг ведь очень тесен. И все друг про друга все знали. И завидовали, ох как завидовали, если вдруг у кого что складывалось. А еще радовались неудачам. И скрывали свои связи, чтобы кто не воспользовался, удачу не перебил, дорогу не перешел. Господи, воронье, одним словом. А водитель почему-то очень нравился Алексею. Красивое открытое лицо, немного восточное, белозубая улыбка, опрятная фланелевая рубашка в крупную клетку, аккуратная стрижка и очень грамотная русская речь. Как же раздражало Алексея это вечное смешение русской и немецкой речи. Ну уж говори либо так, либо эдак.

— Удивляетесь, что за баранкой? — Мужчина усмехнулся. — А мне все равно. Работаю себе и работаю, домой только спать.

— Что ж, никаких интересов?

— Ни-ка-ких, — отдельно произнес молодой мужчина, — и меня это абсолютно устраивает. — Он все же посмотрел на Алексея грустными глазами и усмехнулся: — Вот так вот. Моя жизнь — это работа.

— А семья?

— А семья у меня закончилась. Была и закончилась.

У Алексея тут же помутилось в глазах, неужели... но парень спокойно продолжал:

— А мою жену перестал устраивать муж-шофер. Она теперь руководитель клиники. Вон дом купила в Целендорфе. Это район такой в Берлине, для богатых. Да вы не знаете.

Отчего же, Алексей прекрасно знал. Он часто по работе бывал в Берлине, и у его немецкого коллеги как раз таки дом был в том самом Целендорфе. Как-то Алексей заезжал к нему по делу. Вообще-то так не принято. И в гости домой немцы не приглашают, а уж с русскими и подавно особой дружбы не водят. Разве что по-соседски. Но здесь и не соседи, и друзья не особые. Но все же Алексею путем титанических усилий удалось встать на одну планку с немцами. Он работал старшим одного небольшого немецкого производства. Вообще-то должность тянула на главного инженера. Но вот тут как раз сказывалось отношение к эмигрантам. А что, удобно, высокую зарплату платить не нужно, а выполнять такой сотрудник станет все и даже больше. Никогда бы он не получил более высокой должности, тут только свои кадры. Опыт и образование Алексея ценили, он пользовался заслуженным уважением. Он это знал, хотя и говорил по-немецки косноязычно

и не всегда попадал своими манерами в унисон с немецкими. Да и использовали его, он это знал. Все знал. И должность главного инженера не предлагали и не предложат никогда, и зарплаты у него такой не будет, и это понятно, хотя ответственность и обязанности на его должности были соизмеримы с инженерскими.

Алексей научился смиряться, быть довольным и не завидовать. Но, видимо, его нынешний статус все же соответствовал немецким представлениям о высоком положении, и его можно было позвать домой. Естественно, не на бокал пива, а посмотреть мебель, которую берлинский коллега собирался продавать. До Целендорфа Алексей доехал на рейсовом автобусе. Вышел у вокзала, и сразу его захватил вид спокойной и величественной Германии. Небольшие, но очень красивые дома, не новомодные коттеджи, построенные из фанеры, а каменные старинные особняки, увитые плющом и диким виноградом, пение птиц, совсем другой воздух, не то что в центре Берлина. «Да, — подумалось тогда Алексею, — вот такого у меня не будет никогда, хоть убейся». Немцы не допустят, да и правильно. Должен же где-то оставаться их мир, где они действительно дома и только среди своих. Господин Гросс занимал не целый дом, всего лишь этаж, но все равно это уже был совершенно другой уровень

жизни. Подъезд, расписанный под Альфонса Муху, мраморные колонны — все это сразу ставило любого пришедшего на подобающее место, чтобы не сомневался: кто хозяин и кто ты. Подобных подъездов много в старинных особняках Берлина в районах Фазаненштрассе, Софиенплац. Входишь в такой дом и, вместо того чтобы подняться по лестнице на нужный тебе этаж, застываешь от восторга и начинаешь рассматривать витиеватую лепнину, мраморные скамьи, великолепную роспись. И немцы все это тщательно берегут, реставрируют, не жалеют на это ни сил, ни средств.

Да, поэтому слова водителя о месте, где жена купила квартиру, говорили о многом. Вот русский бы сейчас не понял, а он, Алексей, сразу уяснил все. Но он не стал рассказывать про свое понимание.

— То есть диплом подтвердила? — И здесь Алексей был в курсе. Сколько врачей, приехавших на ПМЖ в Германию, в лучшем случае становились медсестрами, не хватало трудолюбия, усердия, воли довести дело до конца, сдать наконец-то злополучные экзамены.

— Именно. Я работал день и ночь, крутил баранку, а она училась. Она у меня, знаете, целеустремленная очень, — на слове «она» мужчина слегка поперхнулся. Значит, боль еще не ушла. — Да вы не обращайтесь внимания, да, неприятно, конечно.

Ясно, что без моей поддержки ничего бы не было. Но и она очень много трудилась, язык зубрила, сейчас говорит с акцентом, конечно, но практически идеально. Сдала экзамен, она действительно талантливейший хирург, взяли ее в институт, где челюстно-лицевая хирургия была, оттуда уже профессор приглашенный, светило с мировым именем, ее в частную клинику к себе забрал. И там тоже работала день и ночь, заместителем его стала. Ну и профессор клинику ей завещал. Вот так-то, одинокий он был, бездетный. И после его смерти она всему голова и стала. Дом вот купила этот злосчастный. И то у нее прием, то выход. В общем, не вписался я в это ее новое общество.

— А дети? — Алексей уже все понял про мужика, про то, что любил жену, гордился ею, задвинул все свои амбиции подальше, дал ей возможность подняться, и вот что в итоге.

— Дочка, с мамой живет. Да там тоже все не в ту сторону идет. Деньги появились большие, ничего не ценится, ей все дается легко. Учиться не хочет.

— Общаетесь?

— Общаемся, да только она тоже под мамино влияние попала. Что может дать папа-шофер? А может, они и правы.

— Ну, а новая любовь? — Они уже подъехали к аэропорту, и Алексею жаль было оставлять эту

историю вот с таким грустным концом. Ну пусть что-то сложится у этого человека, видно же — достоин!

— К кому, к немкам, что ли? — Водитель положил руки на руль. — Так у них тоже в голове — деньги и секс. Нет. Я вот работаю, читаю много, у меня всегда в машине книжка.

— На немецком? — не праздный вопрос, раньше Алексей старался читать лишь на немецком языке, а в последнее время плюнул и стал читать только по-русски. Для него тоже лучшим подарком стала книга, он был в курсе всего того, что издается сегодня в России. И опять с удовольствием вернулся к своему любимому Джеку Лондону, по-новому переживал истории героев, сравнивал со своей жизнью, ведь и у него была борьба за выживание, и он испытывал лишения, переживал предательства, но поднимался и шел вперед.

— Нет, решил, что не хочу больше напрягаться. По-русски читаю. Так что целый день — работа, перед сном — пятьдесят страниц книги, чтобы покрепче заснуть и во сне увидеть любимый город, где был так счастлив.

Надо же, и здесь совпали. Алексей вышел из машины, водитель достал из багажника чемодан и плащ. Алексей протянул руку для прощания. Ему очень хотелось, чтобы у мужчины все сложилось.

— Удачи. От души, — произнес он просто, взял чемодан и пошел к открывающимся дверям здания аэропорта.

Сколько таких историй повидал Алексей на своем эмигрантском пути! Когда рушились, казалось, счастливейшие пары! А как бы сложилось у него, если бы они приехали сюда с Ниной? Ведь она тоже бредила своей профессией, была театральным художником по костюмам и, несмотря на то что муж хорошо зарабатывал, дома и дня не сидела. Она не представляла жизни без своей работы. Нина тоже не смогла бы смириться с работой сиделки.

— Тебя встретит Игорек.

— Зоя, прекрати. Не смей отвлекать занятых людей...

Зоя не дала договорить:

— Где ты видишь занятых людей?! Занят Шура, все так же горбатится на всю семью. Алешка, приедешь — сам все увидишь. А этот хоть с дивана поднимется.

Алексея неприятно резануло «этот». Последнее время Зоя называла внуков исключительно «эти». «Эта опять поехала кататься на роликах», — так говорилось о Вике, дочке племянника Саши, причем, как понимал Алексей, «эта» Вика не была ни тунеядкой, ни паразиткой, а именно такими характеристиками награждался Игорек. Вика только окончила институт, и ее сразу пригласили работать в крупную компанию. Девушка всего добивалась, похоже, сама, никто за нее не просил, за отметки не платил. Она вообще очень напоминала, по описа-

ниям, его старшую, Татьяну. Такая же целеустремленная, словно цельнометаллическая. Правда, Татьяна старше на десять лет, неизвестно, что с Викторией станет через годы и как изменится ее характер. Но в любом случае, она ровесница его младшей — Альки. И каждый раз, слушая Зоины рассказы, он испытывал легкий укол зависти. Эта московская «паразитка» уже и институт закончила, и на работу устроилась. А его Алька сначала играла в индейцев, потом какое-то время плотно дружила с готами, а сейчас просто стала официанткой в кафе и утверждает, что ее все в этой жизни устраивает. Самое страшное, что окружение Алексея не понимало его переживаний. «Ну если она может с этим жить? Главное, чтобы была счастлива!» Да разве может быть счастлива официантка, вечно протирающая столы и приносящая пиво подвыпившим немцам?! Алексей не понимал этого и опять маялся сомнениями: а правильную ли жизнь он выбрал своим дочерям, а что бы с ними стало, если бы они не уехали? Ведь Алька пошла в Нину, она с детства прекрасно рисовала и какие уникальные костюмы мастерилла своим индейцам! Сколько выдумки, сколько фантазии! Потом в ее жизни победил черный цвет, индейцы были заброшены и свалены в келлер; ну а потом просто пришли лень и убежденность, что надрываться не стоит, человеку для жиз-

ни нужно очень мало: пара брюк и рубашек, чипсы и банка пива, еще пачка сигарет. Ну и компания таких же инфантильных приятелей.

Вика, которую Алексей знал по рассказам Зои, вызывала у него нескончаемое уважение. Труженица, всего добилась сама, идет к поставленной цели. Все ее недостатки сводились к тому, что уж больно она походила на свою мать.

Претензии же к Игорю в семье были обоснованными. Парень нигде не учился, не работал. В свои девятнадцать лет умудрился бросить учебу в двух институтах.

— Алеша, это сущий дьявол! — рыдала в очередной раз в телефонную трубку Зоя.

— Не передергивай. Он же не делает ничего плохого.

— Так он и хорошего не делает. Саню когда-нибудь хватит удар от этих детей. Мужуку полтинник, и так вся жизнь расплзлась. Алеша, приезжай, прошу тебя, я тоже не выдерживаю.

Это «не выдерживаю» длилось достаточно долго, Алексей расстраивался, но что тут сделаешь, что он может из своей Германии, но вот с полгода назад сестра вдруг безо всяких истерик и совершенно спокойно произнесла:

— Меня выживают из дома. Наверное, поеду обратно к подруге в Ахтубинск, помнишь, к Любе, Со-

ломон умер, как-нибудь старость вместе коротать станем, я за ней и поухаживаю, своих детей ей Бог не дал. Оно, может, и к лучшему, Господи, прости, хорошо, что Вася не дожил, от этого кошмара бы умер. Тут бумаги его недавно разбирала, стихотворение его нашла, я его раньше не видела, вот, послушай.

Алексей терпеливо ждал, слушая, как сестра надевает очки, шелестит бумагами. Он узнал, что Василий пишет стихи, когда они приезжали к нему в Дуйсбург пять лет назад. Раньше Алексею и в голову бы не пришло. Воспринимал зятя как хорошего мастерового мужика, порядочного человека; знал, что тот боготворит Зою, всегда был ему за это благодарен. А тут Василий раскрылся совсем с другой стороны, читал ему в основном о природе.

— Вот, слушай. — Зоя прокашлялась.

Давайте радоваться жизни,
 Какой бы она ни была,
 В дороговизне ль, в дешевизне
 Всегда нас упрекнет молва.
 Давайте сердцем править кисти
 Пред тем, как рисовать узор.
 И от друзей не прятать мысли,
 Не разжигать беды костер.

Давайте жизнью восхищаться,
Сложна ль она или проста,
Давайте искренне стараться
Быть верным жизни до конца.

— И вот, получается, я его подвожу, — совершенно спокойно продолжила Зоя, — не исполняю его заветов. Нет, Лешенька, так дело не пойдет.

Этого уже Алексей вынести не мог, он принял наконец решение лететь в Москву. Слишком много в его жизни было плохого, слишком часто он принимал удары судьбы. Из любого виража нужно выходить по спирали, он уже это понял. Стремительные взлеты ни к чему хорошему не приводят, только падаешь с новых высот еще быстрее. И ударяешься больнее. Причем если в молодости это просто удары и синяки, то чем дальше по жизни, тем легче эти удары могут перерасти в переломы, требующие не просто времени на восстановление, но и сложных хирургических вмешательств.

Да, к своим практически шестидесяти годам Алексей стал философом, мог бы книги писать по психологии. Мог бы лекции читать, только кому это нужно? Да и не его это все. Вот даже правильный совет паникерше сестре и то выдать не может.

— Зоя, не сгущай краски. Зоя, поводов для депрессий никаких.

И дальше опять верещание сестры в трубке. И обязательно со слезами в конце разговора: «Вот если бы был жив Васенька».

Алексей не мог этого слышать, он тут же закруглял разговор, ссылаясь на занятость, практически швырял трубку. Потом долго ходил вокруг рабочего стола, смотрел на прикрепленный чертеж, ничего в нем не понимая, тер рубашку в том месте, где, по идее, находилось сердце, все размышляя о своей сестре: «Курица. И мозги куриные. Все же так просто. Ну почему она ничего не видит? Все же элементарно».

После очередного сложного разговора и потока слез он решил ехать.

— Я приеду, — сухо сказал он в трубку.

Зоя перестала плакать в тот же момент.

— В эти выходные?

— Господи, Зоя! Ну о чем ты?! — В голове опять пронеслось: «Курица, можно подумать, он приезжает в Москву два раза в месяц. Он ни разу не был у нее в новом доме, вернее, в доме ее сына Саши, они не виделись черт знает сколько лет. И потом, он просто сказал — «я приеду». И это еще ничего не значит. Это значит только то, что он решил об этом подумать. А теперь мысль должна созреть. Это же надо, «в выходные». Бред какой».

— Не торопи меня, я позвоню на неделе.

6

Алексей все пытался разобраться в том, что произошло в семье сестры. Прошло пять лет с тех пор, как Зоя приезжала к нему с мужем. И все последующее время Алексей жил приездом сестры. Вспоминал, больше себя ругал, почему то не показал, это не купил, здесь одернул. А вдруг они чувствовали себя здесь не по-домашнему, а вдруг им было у него плохо? В голову бы не пришло, что Василий был уже болен. Наоборот, Зоя все хваталась за бок и бесконечно говорила про болезни. Вася, как всегда с юмором, похохатывая, осматривал его житье-бытье:

— Буржуй, стало быть! Буржуй, Лешка. Да, слушай, у нас и Санька тоже теперь буржуй. Слышал, как живем? Это тебе не наши ахтубинские восемь соток. Променил я, Леха, свою жизнь на буржуйскую. Да-а!

— Да ладно тебе, — останавливала мужа Зоя. — Плохо, что ли, живешь?

— Живу в людях!

— В каких еще людях, у собственного сына! У единственного, и потом, в доме, купленном на деньги, которые сам ему и дал.

— Вот, Лешка, учись у меня, и мой тебе завет: никогда своего дома не отдавай ни сыну, ни зятю, ни любимому, ни разлюбимому!

— Хватит тебе жаловаться! — Зоя нервничала. Вот странное же дело, как сама брюзжать принималась, так ее не остановишь, а как начинал говорить Василий, тут же заступалась за сына, одергивала мужа, обижалась, как маленькая.

— Так я не жалуясь. — Василий и правда говорил вроде как со смехом, для всеобщего веселья. Но какую-то грусть щемящую Алексей слышал в его словах.

— Ты понимаешь, он нас привез и говорит: «Живите, все тут ваше». А скажи, как может быть это нашим, если построено все не по уму, все неправильно. Ну, ты понимаешь, все! Разве это может быть нашим?! Смех, да и только. Я уж не говорю про вентиляцию, руки пооборвать тому строителю. «Ваше...» Было б наше, возьми да посоветуйся: «Папа, скажи, где кладовку делать, куда должны окна выходить, по сколько метров какая комната должна быть». А то: «Мама-папа, все тут ваше, и вот вам комната, на третьем этаже, самая большая». А как нам туда переться? Ты же знаешь,

что у меня ноги? А? Ну что тут поделаешь? Привез меня на недельку посмотреть, ну, я на месяц остался, попытался что-то исправить, что в моих силах. Но ведь окна не расширишь, лестницу переделывать не станешь! Вот у тебя девки, может, они вникать-то лучше будут? А?

— Девки, Вась, уже не у меня, они принадлежат немецкой системе.

— Ой, слушай, а Алька-то все улыбается. Неужели по-нашему не выучилась? Это ж позор какой!

— Вася, Вася, — вступилась Зоя, — я вижу, она все понимает. Буквально все. Вот вчера говорю: «От ядрит твою», — так она расхохоталась.

— А ты нашла что говорить!

— Так как же промолчать, Вась, я ж попыталась тарелки в раковине сполоснуть, ну скажи, что из-за одной тарелки машину вашу запускать. Я ее у Саньки запускаю, когда все вместе ужинать садимся, а если сама чаю попила, так уж и сполосну. А Лешка прям как коршун: «Не мой, не смей, зачем!»

— Эх, Зоя, не видишь: экономия у них, воду берегут. Здесь воду берегут, там мусор собирают. Молодцы, что говорить, правильно живете.

Алексей очень хорошо помнил этот разговор. Целый день родственники провели на речной прогулке вокруг самой большой гавани Европы Дуйсбург, столько эмоций и впечатлений, что спать не

хотелось. Вся компания собралась на лужайке перед домом. Алексей расстелил небольшую льняную скатерть, достал складные стулья, и все трое пили пиво, закусывая хрустящими палочками.

— Привык, Леха? — Василий сделал два больших глотка. Алексей от души порадовался, немцы так смачно пить не умеют. Для них что, пиво и пиво, вон каждый день можно выпить. А здесь — праздник!

— Приспособился, Вась.

— Вот и я о том. Вот жили мы с Зоей, был у нас домик, небольшой, сад был. Ну, ты помнишь, виноград у меня рос, абрикосы. Ты помнишь мои абрикосы? А виноград помнишь?

Леша кивал, он был бесконечно рад своим гостям. Почему они так долго не приезжали, или он их не приглашал? Да нет, конечно, приглашал, только собраться ведь — это целое дело, не говоря уже про приглашения и получение виз. И потом, вот именно, был этот дом, и сад, и виноград, и нельзя было все это бросить. То за урожаем ухаживали, то его собирали, потом стерегли дом, чтобы не обокрали. И вот переехали к сыну в Москву, чужое sterечь неохота, сразу и выбрались к Алексею в гости.

Друзья любовались на яркие звезды в немецком небе, удивлялись необыкновенной тишине — даже собаки не лают — и вспоминали, вспоминали.

— А вино, вино мое помнишь? Ни у кого такого вина не было! Продали дом с лету. Очередь стояла, аукцион устроили!

— Вася, да ладно тебе! — Зоя пыталась перевести разговор на другую тему. — А смотрю, у вас никто огород не разводит, одна трава сплошная, Алеша, почему, а? Ленивые, я так думаю.

— Немцы? Ленивые?! — Вася аж подскочил на стуле. — Ну, ты, мать, даешь! Ты посмотри, какая везде чистота, стерильность прямо-таки. И все улыбаются, у всех прекрасное настроение. Даже в Ахтубинске не так. А сейчас как мы живем, я тебе, Лешка, передать не могу. Посадил Саня нас с матерью за высокий забор, и сидим там, друг на друга целый день смотрим. Ни выйти, ни войти. Дурдом. Нет, ну я не выдержал, в первый же день пошел стучать в соседские калитки. Так ты представляешь, чучмек какой-то выскочил, на поводке у него волкодав, и кричит: «Уйди, уйди!» Говорю: «Почему я должен уходить, я ваш сосед, молодой человек, пришел с вами познакомиться». А он сквозь лай этот звериный: уйди да уйди. У вас тоже тут так?

Алексей посмеивался и потягивал пиво.

— У нас чучмеков нет. Собак, конечно, тоже на тебя не выпускают, только в калитку никто звонить не будет, позвонят, если нужно, по телефону, чтобы договориться о встрече.

— Так где ж телефон взять? Вот если мы, к примеру, только приехали?

— Справочники телефонные есть, можно записку в почтовый ящик бросить, такое красивое приглашение, все продумано, чтобы соседи жили дружно, не нарушая чужой покой.

— Ты хочешь сказать, что я нарушаю чужой покой? Вот и сестра твоя меня ругала: «куда пресся, куда пресся?» Жить я сюда приехал, и не могу я за забором сидеть, как собака какая. Ну, позавтракали, ну, в доме приборали, ну, чай попили, телик посмотрели, обед приготовили. Дальше что? Жизнь, что ли? А Санька обижается: «Чего вам не хватает, что ты, пап, нервничаешь?» Не привыкли мы с матерью без дела. Вот ты меня понимаешь?

— Я понимаю, не кипятись ты, Вась.

— Это страшно, Лешка, на старости лет остаться без своего угла.

Алексей понимал родственника как никто. Он и в Россию не ездил, домой, потому что вроде немного привык к новой жизни, вроде приновился. Совсем не его угол, чужой, холодный, неродной, дети чужими стали, но здесь он уже нашел себе место. Может, не кресло, так, табуретка не по размеру, но это уже была его табуретка. Но все-таки приехал он сюда в сорок, а не как Василий в шестьдесят. И характер у Алексея другой, терпимее он. А Ва-

силией — он смолоду резкий, непримиримый, всю жизнь парторг, всех на собраниях разбирал, про-рабатывал, и Зое от него доставалось, и сыну Сашке. И вот теперь нужно подстраиваться под чужую жизнь. Хочешь не хочешь. И обратной дороги нет.

— Вась, Алеша подумает, что и вправду Сашка нас в клетке держит. Все у нас хорошо, скучновато, конечно, это правда. Но ведь сыну дом помогли купить? Помогли! Теперь они с Галей уставшие с работы приходят, а в доме у них полный порядок: и прибрано, и приготовлено. Ну чего ж детям не помочь!

— На старости лет к детям в прислуги. — Вася никак не мог представить картину их с Зоей жизни хоть в каком-то удобоваримом свете. Все у него выходило не так, все плохо. А может, пиво виновато. Ясно же, выпил немножко человек и давай себя жалеть, да на жизнь жаловаться, да виноватых искать.

— Да побойся бога! Почему «в прислуги»?! Если я для нас с тобой готовлю, стираю, это что — «прислуги»?! Вот ведь мухомор старый.

— Ну, это да, это я лишку хватил. — Вася виновато посмотрел на жену. Но, сделав еще один глоток и крикнув как следует, продолжил: — А вот еще эта краля. Лешка, вертит она хвостом, чует мое сердце. А наш олух ничего не соображает. Она с работы придет, а глаз у нее прям горит. Я же вижу.

Зоя заерзала на стуле.

— Ну что ты плетешь, куда он там у нее горит? — Она уже начала Леше подавать сигналы, мол, прячь ты это пиво! А Алексей не очень даже и вслушивался в брюзжание Василия, он наслаждался этим вечером, тем, что сидит с родными людьми, тем, что они так много говорят, да и жалуются! А это на немецкой стороне ой как не принято. Нельзя! Все и у всех «ок»! И про себя лишнее не могли сказать, и других своими проблемами не отягощай. А тут вон чего, аж жену сына обсуждать начали!

— Да на сторону он у нее горит, вот куда!

— Тьфу, — только и могла отреагировать Зоя.

В душе Алексея поднималась целая гамма чувств: от грусти и радости до раздражения. Он отдавал себе отчет, что скучает. Столько всего намешалось за это время в его сердце. И хотелось ему поехать посмотреть, что там у них и как, и боялся терять себе душу. И радовался он приезду сестры, и нервничал, что вот сейчас он бы просто молчал и думал о предстоящем рабочем дне, о новых приборах, куда не подошли микросхемы. Василий с Зоей ураганом ворвались в его размеренную жизнь, заставили его посмотреть на все по-другому. Вернулось щемящее чувство тоски и ностальгии, которое просто по капле и с таким трудом выдавливал из

себя. Только где этот дом, по которому он как будто бы тоскует? В Ахтубинске, откуда сразу уехал после окончания института? Раньше там хотя бы жила Зоя, можно было приехать к ней. Но сегодня она москвичка. Город, который Алексею нравился, в который он всегда с удовольствием приезжал в командировки. Но это не его родной город. От сестры слышал, что нет улицы Горького, станции метро «Лермонтовская», даже гостиницы «Украина», в которой он каждый раз останавливался, приезжая в Москву в частые командировки. Алексей любил гулять по Кутузовскому проспекту, широкому, суматошному, с шумным движением машин, потом спускался в метро и ехал до «Проспекта Маркса», обязательно пил кофе в кафе «Космос» и дальше шел неторопливо вверх по улице Горького, любясь монументальными зданиями послевоенной постройки, отделанными красным гранитом. Вроде бы этот гранит доставили в Москву сами немцы, собирались из него отгрохать монумент в честь победы. Дойдя до памятника Пушкину, обязательно сворачивал налево и дальше по бульвару, а потом к Патриаршим прудам. Есть ли та Москва, существует ли она, или все осталось только в его памяти? Тогда к чему эти возвращения, разочарования? Странно, но вспоминаются Ахтубинск, Москва, в которой был только гостем, и никогда Иркутск.

А ведь там он встретил Нину, там родились обе их дочери, именно в этом городе он встал на ноги, раскрутил собственный бизнес, они купили дом и стали даже принадлежать к какому-то другому классу. Ну, так им всем казалось. Хорошая машина, няня у Алечки, женщина, которая приходила два раза в неделю убираться. Ведь такого обеспеченного существования у него больше не было никогда в жизни. Да уже и не будет. И потом, была в его жизни настоящая любовь, тихая гавань, семейное счастье. Вот в Иркутск, он знал, не поедет никогда. Хватило тех двух раз. Невозможно вернуться в город, который был самым большим счастьем и стал самой страшной трагедией.

7

После окончания института Алексея распределили в Иркутск. Зоя охала, а Алексей был рад. Его пригласили на знаменитый авиационный завод, нужны были молодые головастые инженеры, разрабатывать новые модели самолетов, дело начиналось новое, он загорелся идеей. Ну чего киснуть там, где все знаешь, где тебя знают. На дворе век физиков, полный свершений и открытий. Их матери к тому времени уже не было в живых, они жили все в том же доме, но Василий привел его в полный порядок. После регистрации с Зоей он переехал к ним и их небольшую избушку превратил за какой-то год в полноценный дом. Так что Сашку принесли уже практически в хоромы, назвали его, как и предполагалось, в честь погибшего на фронте отца. Не сказать, чтобы Лешка мешал новой семье своим присутствием, даже наоборот: они поменялись ролями, теперь Леша помогал растить Саньку, памятуя, как когда-то с ним самим возилась Зоя.

— Еду открывать новые земли.

— Тоже мне, Колумб. Эти земли уже давно до тебя открыли. — Зоя никак не могла смириться с тем, что брат уезжает. Он был как сын, как первый и самый любимый ребенок, как связь с уже ушедшими из жизни родителями. Как он выдержит без ее заботы? Нет, это неправильно, семья должна жить вместе!

— Ну и ладно, значит, буду открывать научные горизонты.

— Своих, что ли, инженеров не хватает?

А действительно не хватало. После войны завод столкнулся с проблемой оттока кадров. Дело в том, что работники, эвакуированные во время войны, стали уезжать в свои родные места. Поэтому завод остро ощутил нехватку специалистов. На производстве осталось сто одиннадцать инженеров и техников из почти тысячи необходимых. Начали готовить свои кадры, посадили за учебники рабочих. Наверное, учебы такого размаха завод еще не знал. Вечерний авиационный техникум был в те годы переполнен. И все же специалисты требовались, вот и запрашивал завод талантливых студентов.

— Это дело — не просто в конторе сидеть, бумажки перекладывать — самолеты строить будешь. Иркутский авиационный завод — это сила! Во время войны знаешь какие самолеты выпускались?

— Вась, ну ты даешь, пикирующий бомбардировщик «Пе-2», фронтовики называли этот самолет «иркутяночка», «Пе-3», самолеты типа штурмовика, дальний истребитель.

— То-то! — Василий от души радовался за шурина.

У них сложились хорошие отношения, да и с Сашкой брат жены возился, а эту помощь Василий очень ценил, без нее вряд ли Зое удалось бы институт закончить. Но он был согласен с парнем, ему нужны свобода, самостоятельность, а что в Ахтубинске — перспективы небольшие. С жильем — да, проблем нет. У Лешки в их старом купеческом доме была своя комнатка, совсем небольшая, восьмиметровка, но отдельная. Раньше дуло изо всех щелей, дверь не закрывалась, туалет на улице совсем развалился. Василий привел дом в полный порядок, даже сделал теплый душ. Однокурсники частенько бывали у Лешки в гостях, Зоя с удовольствием принимала шумную компанию, и Василий был не против. Он убеждал жену: ничего страшного, да, парень молодой, но самостоятельность еще никому не помешала, да и, безусловно, интересная работа, не зря столько лет за книжками корпел, высшее образование получал. Да и предложение-то почетное, Леше предложили это место как одному из лучших выпускников.

У самого Василия за плечами осталась только семилетка и дальше ФЗУ. Время послевоенное, было не до учебы. То, что недоучился, всегда чувствовал, переживал по этому поводу.

Василий был уверен: его Сашка пойдет дальше отца и обязательно закончит какой-нибудь престижный вуз, станет доктором или юристом. Он и Зою уговорил поступить на заочный. Хоть и тяжело было, но дело шло, и в следующем году жена должна была институт закончить. И работала замом главного бухгалтера их завода уже давно, и без образования специального взяла. Хваткую, сообразительную, неконфликтную Зою очень ценили на работе.

Но больше всего расстраивался по поводу переезда Леши в другой город десятилетний Саша:

— Лешка, не уезжай! Кто со мной на рыбалку ходить будет?

— Не переживай, брат, в отпуск буду приезжать, на рыбалку с тобой еще сходим, обещаю!

Иркутск поразил суровым климатом, одетыми в серое людьми и немногословностью. Алешка вырос в южном городке, где было солнечно и весело. Народ любил между собой потрепаться, по делу и без него. Астрахань — город не маленький, но в том районе, где вырос Алеша, все друг с другом здоровались, соседи были ближе родственников.

Его поселили в заводское общежитие, выделили отдельную комнату, и первое время он никак не мог разобраться с общей кухней, однако ж радовался теплomu туалету. Не знал, как благодарить Зою, которая убедила его взять с собой одеяло и подушку, а также сунула ему в рюкзак маленький коврик, который он в дальнейшем использовал как кастрюлю. Самостоятельная жизнь стукнула его по голове: пришлось готовить, стирать — делать все, от чего он был отгорожен заботами сестры. Но больше всего он страдал от пронизывающего холода. Это чувство, кстати, так с ним и осталось, тепличность